
ИЗ ИСТОРИИ КИТАЯ

«КОНФУЦИАНСКИЙ КАПИТАЛИЗМ» ИЛИ «КОНФУЦИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»? ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ КНР

В.А. Сизикова

Фольксваген Груп Финанц ООО
Ул. Обручева, 30-1, Москва, Россия, 117485

Статья посвящена поиску причин образования таких феноменов политической культуры, как «конфуцианский капитализм» или «конфуцианский социализм». Автор размышляет о влиянии традиционных политико-философских учений в исторической ретроспективе, пытается ответить на вопрос, каковы истоки формирования уникальной китайской политической модели, каковой она является сегодня.

Ключевые слова: Китай, конфуцианство, модернизация, социализм, капитализм, реформирование.

По данным ведущих новостных агентств, одними из наиболее читаемых новостей мира, входящих в десятку лидеров по популярности в начале XXI в., стали новости из Китая – рост его экономики, уровня ВВП, отчеты о результатах модернизации и реформ государственного масштаба.

Это говорит об огромном интересе, которое мировое сообщество испытывает к курсу и политике этого в недавнем прошлом аграрного государства, более половины населения которого находилось за чертой бедности.

Что же мы видим сегодня? За сравнительно короткий срок – в несколько десятков лет – это государство не только преодолело кризисную экономическую ситуацию, но и сумело выйти на новый уровень политического развития.

Многие политические деятели, ученые и исследователи небезосновательно связывают экономические успехи Китая и других государств Восточной и Юго-Восточной Азии с влиянием конфуцианства как этико-политической системы, в течение нескольких тысячелетий определявшей

нормы морали и общественные традиции и выработавшей определенные стереотипы в сознании народов Азиатского региона.

Реформы, благодаря которым азиатские государства добились своих экономических успехов, превратили их политический строй в свойственный только этому региону феномен, который можно обозначить как «конфуцианский капитализм» или «конфуцианский социализм», в зависимости от специфики идеологии государства.

Сочетание многоукладной рыночной экономики с социальной и политической стабильностью превратило восточноазиатский регион в наиболее динамично развивающийся в мире во второй половине XX в.

Любая модель экономики и политики может существовать и развиваться только в определенной культурной среде. Поэтому когда речь заходит о загадке «восточноазиатского чуда», то отгадка связана с особенностями традиционной культуры, т.е. с «восточноазиатским конфуцианством» (1).

Долгое время конфуцианство было официальной императорской идеологией Китая. Однако в 1949 г., сразу после основания КНР, Мао Цзэдун начал кампанию, поставившую конфуцианство под запрет. Лишь по прошествии нескольких десятилетий, с приходом Дэн Сяопина в 1978 г. учение Конфуция вновь признается «фундаментальной ориентацией китайской культуры». Таким образом, конфуцианство как этико-политическое учение получило новое звучание во второй половине XX в.

Конфуцианство зарождалось в эпоху, когда происходил активный поиск оптимального соотношения интересов человека, общества и государства. Возможно, поэтому одной из важнейших задач конфуцианской культуры стало формирование гармоничного общества на основе гармонии в человеке, а одной из главных особенностей конфуцианства следует считать гуманизм, а также этическое или нравственное общественное начало и основанный на нем метод управления государством.

Привлекательность правления, основанного на моральном престиже, состоит в том, что оно соответствует характеру глобализованной жизни, сложному комплексу динамичных информационных потоков, человеческих взаимодействий и рыночных отношений, а также избегает подавления, что в свою очередь не вызывает в обществе стремления к сопротивлению и агрессии. Ученые и политики не предполагают, что история Китая может служить моделью для современности, но считают, что конфуцианская парадигма политического управления весьма актуальна, так как глобализация без глобальной этики может произвести больше «проигравших», чем «выигравших» (2).

Итак, конфуцианство как политическая теория является для Китая интегрирующей основой национальных общественно-политических идеалов существовавших в китайском обществе на протяжении двух тысячелетий.

Весь политический лексикон КНР также построен на конфуцианских понятиях и конфуцианской терминологии. Рассматривая одни из наиболее

часто произносимых терминов «Дао» как «путь», «предназначение», а «Дэ» как «мораль», «нравственность», «благость», мы зачастую не можем найти однозначных наименований в нашем словаре. А ведь понятие «Дэ» лежит в основе китайской картины мира и занимает центральное место в государственной доктрине, на базе которой сложилась политическая структура императорского Китая (3).

Одним из классических образов совершенного императора в Китае является Полярная звезда, гармонизирующая мироздание, которая сама по себе неподвижна, но заставляет вращаться вокруг себя все остальные звезды. В этом образе совмещаются «Дао» и «Дэ» как взаимодополняющие и нераздельно существующие элементы, управляющие обществом и государством.

Таким образом, одной из особенностей китайского политического словаря можно назвать плюрализм, многообразие или многосложность значений. Именно в этом в первую очередь состоит основная трудность при переводе на иностранные языки. Однако в китайском языке все эти термины представляют единую систему, имеющую собственный механизм и порядок связи. При переводе весь этот механизм выходит из строя, превращаясь в набор понятий, зачастую не несущих того смысла, который вкладывался изначально китайской стороной.

Еще одна особенность – в том, что для правильного понимания китайской политической терминологии необходимо знать историю каждого термина. Однако основные термины китайского политического словаря появились еще в период «осевого времени» (в VI–III вв. до н.э.) и за долгую многовековую историю они приобрели множество смежных значений и уточнений. Однако политики в КНР хорошо владеют знанием канонических текстов, как и многие рядовые граждане, воспитанные на произведениях конфуцианской традиции. Так, например, такое понятие, как «фа» – закон на первый взгляд не требует комментариев. Однако, зародившись также в эпоху «осевого времени», этот термин принадлежал легистам, которые трактовали «фа» как принцип всеобщности закона и равенства всех перед законом, исключая, однако, его творца или правителя. Таким образом, в официальных обращениях и призывах руководителей КНР мы часто слышим, что необходимо управлять страной не только на основании «фа», но и на основании «дэ», что совершенно понятно при правильном понимании всех нюансов значения этого термина.

Еще одной особенностью китайской политической терминологии можно назвать разницу в так называемых «внутренних» и «внешних» трактовках ключевых терминов политиками в пределах конфуцианского политического региона и за его условными границами. Так, термины, предназначенные для «своих», переводятся официальными СМИ в Китае для внешнего мира неполно и односложно. Такой перевод не отражает всю специфику того или иного термина.

Обратимся к понятию «сяо кан», являющегося одним из ключевых в китайском политическом словаре и без которого невозможно понять специфи-

ку модернизации КНР. Официальная газета «Жэньминь жибао» и агенство Синьхуа в переводе на западные языки трактуют «сяо кан» как «строительство среднезажиточного общества» или «общества малого благоденствия». Но такой перевод не только не отражает всей полноты смысла данного термина, но более того, обращение к нему знаменует качественный сдвиг в истории развития китайской цивилизации на современном этапе и будет играть все возрастающую роль не только внутри страны, но и на внешней арене, ибо «сяо кан» приведет к мобилизации всех ресурсов, заложенных в генетический код нации основателями китайской цивилизации (4).

Этот конфуцианский термин, произнесенный в 1949 г. Чан Кайши для обоснования политического строя на Тайване, через тридцать лет был повторен Дэн Сяопином в КНР, послужив обоснованием модернизации и реформ государственного масштаба уже материкового Китая. В Южной Корее «сяо кан» стал основой государственной программы «всеобщего благосостояния». Таким образом, прослеживается прямое отношение стран восточноазиатского региона к традиционному конфуцианству, как на культурологическом, так и на социально-политическом уровне.

Для понимания специфики современного политического процесса в КНР необходимо обратиться к истории этого термина. Понятие «сяо кан» появилось более двух с половиной тысячелетий тому назад, и впервые мы встречаем его еще в «Ши цзине». Согласно данным древних источников «Ши цзин» складывался в течение XI–VI вв. до н.э. и включал более трех тысяч стихотворных произведений. По версии Сыма Цяня (прибл. 145–87 гг. до н.э.) сам Конфуций отредактировал «Ши цзин» и оставил всего 305 произведений, соответствующих «ли» (ритуалу) и «и» (долгу) (5).

Действительно, как говорит трактат «Лунь юй» («Беседы и суждения»), наиболее точно отражающий взгляды Учителя, Конфуций придавал первостепенное значение «Ши цзину». Он искал в нем глубинные духовные основания гармонизации Поднебесной, движущим мотивом поиска служило для него наличие состояния хаоса в обществе.

Конфуций для наименования собственной доктрины избрал именно «сяо кан». Следуя этому понятию, он излагает собственную концепцию умиротворения страны. Позднее же данная традиция трансформируется в его «Учение об управлении людьми».

По Конфуцию общество «сяо кан» – это общество, где соблюдаются конфуцианские нормы поведения, общество морали и основанного на ней долга, общество «семейного умиротворения».

Достаточно долгое время в истории Китая детям, начинающим учить иероглифы, давали для чтения учебник – «Канон трех иероглифов», в котором все предложения состояли из трех слов для того, чтобы при их произнесении создавался ритмический эффект, помогавший детям их запоминать. Это был своего рода букварь, первая фраза которого гласила: «Природа человека добра». Это – одна из фундаментальных идей философии Мэн-цзы.

«Мэн-цзы» (IV–III вв. н.э.) входил в знаменитое «Четырехкнижие», канон конфуцианских текстов. Разрабатывая концепцию своего Учителя – Конфуция, Мэн-цзы усилил ее экономическую составляющую. Свое мнение о «сяо кан» Мэн-цзы конкретизировал в учении о «гуманном правлении». Он выписал своеобразный рецепт оздоровления общества, подробно описав, какие социальные слои и каким образом будут благоденствовать в обществе «сяо кан» (6).

В исследованиях западных синологов обращает на себя внимание утвердившееся мнение о том, что «сяо кан» представляет собой социальную утопию. Однако, входя в общую теорию конфуцианства, это понятие было и остается важнейшим элементом учения Конфуция, декларирующим стремление к построению общества «сяо кан», основанного на гармонии и гуманизме.

Дальнейшее развитие этого понятия приводит нас к эпохе династии Хань, когда конфуцианство получает официальный статус императорской идеологии. Таким образом, теория построения общества «сяо кан» получает и практическую значимость. Впоследствии в Средние века соответственно исторической динамике общества термин «сяо кан» претерпевает определенные смысловые изменения, используя преимущественно в двух значениях: внутри государства как «символ спокойствия и экономического улучшения» и внутри семьи как «символ относительной зажиточности». Представляется, что именно в этих двух значениях термин «сяо кан» сохранился в сознании китайского народа.

К понятию «сяо кан» обращались многие политические деятели Китая, когда они приступали к каким-либо общественно-политическим и экономическим преобразованиям. Так было и в конце XIX в. в период движения за модернизацию страны, когда термин «сяо кан» вновь возвращается на авансцену китайской истории, но не как самостоятельная концепция, а как необходимый этап в построении общества «Великого единения» (7).

Так, оказавшись вытесненным на Тайвань, Чан Кайши по совету идеолога Гоминьдана, прекрасного знатока канонических текстов Чэнь Лифу, объявил, что он будет строить на острове «сяо кан». Тем самым он хотел показать, что в отличие от коммунистов – приверженцев марксизма – он находит основные ценности национальной традиции (8).

Но проходит чуть более тридцати лет, и на пороге модернизации и реформ в КНР к идее «сяо кан» обратился Дэн Сяопин. Памятуя об антиконфуцианской кампании 1972–1976 гг., когда средства массовой информации КНР призывали народ «бить Конфуция как крысу, перебегающую улицу», а сам Дэн Сяопин с клеймом последователя Конфуция оказался в ссылке, Дэн осознавал, что только он, со своим авторитетом, может вернуть страну в конфуцианский культурный регион. Идея «сяо кан» понадобилась ему и для подкрепления теоретического обоснования его концепции – «одно государство – две системы», ибо в результате антиконфуцианской кампании КНР на

время уступила Тайваню право наследования традиционной национальной культуры (9).

Итак, понятие «сяо кан» становится символом начатых реформ по модернизации страны. Сейчас можно с уверенностью говорить о реальности и масштабности интеграции «сяо кан» в идеологическую и общественно-политическую жизнь КНР (что видно по решениям 3-го пленума ЦК КПК 11 созыва, материалам XII, XIII, XIV и XV съездов КПК, решениям ЦК КПК и постановлениям ВСНП по развитию экономики Китая в 1990-е гг., а также планам КНР на 8-ю и 9-ю пятилетки).

На XVI съезде КПК Цзянь Цзэминь внес свой вклад в теорию Дэн Сяопина. Он подразделил процесс строительства общества «сяо кан» на несколько последовательно повышающихся уровней. В докладе Цзянь Цзэминя содержание понятия «общество сяо кан» приобрело более широкий, объемный смысл, чем это было у Дэн Сяопина. Помимо чисто экономических характеристик, оно включает в себя уже спектр политических, социальных и культурно-духовных проблем строительства специфически китайского социализма. Общество «сяо кан» предстает, таким образом, как этап реализации социального идеала КПК (10).

Итак, «сяо кан» становится важнейшей категорией общественного развития, представляет концепцию строительства «социализма с китайской спецификой», а также является продолжением в новых исторических условиях традиционной мысли Китая.

Безусловно, последовательное и динамичное развитие Китая во многом обусловлено его государственной идеологией, сформированной на основе системы политических, социальных и философских ценностей. Именно конфуцианские понятия и представления об обществе, как мы видим из истории многих основополагающих политических терминов в КНР, становятся определяющим в этом процессе.

Обращаясь к периоду зарождения конфуцианства, мы видим, что уже тогда для него было характерно увлечение проблемами политического характера. Были разработаны различные социально-политические концепции, которые сыграли значительную роль в формировании теории государства и права, легли в основу государственного управления в Китае.

Одним из важнейшим элементов конфуцианства является то, что оно не было направлено на разрушение старого строя, но, наоборот, на сосуществование с ним, постепенно развивая и постигая новое, что явилось таким значимым для всех реформаторов, обращающихся к этому учению: «Тот, кто бережно относится к старому и узнает новое, может быть наставником людей» (11).

Что касается самого образа «наставника людей», управленца, реформатора, руководителя государства, то достойных управлять людьми конфуцианство обозначает понятием «благородный муж». По мнению Конфуция, «управлять – значит исправлять», а с этим в состоянии справиться только

обладающий небесным мандатом правитель Поднебесной и «благородные мужи», избранные не по признакам происхождения, а по своим морально-нравственным качествам.

Идея правильного подбора кандидатов на государственные посты оформилась в Китае в систему экзаменационных испытаний. Данная система прошла длительную эволюцию и существует до сих пор, способствуя формированию управленческой элиты в современном Китае. Именно на экзаменационную систему как важнейшую часть политической и общественной жизни Китая прежде всего обратили внимание первые европейцы (миссионеры, путешественники, торговцы), которые посещали Китай начиная с шестнадцатого века. Так, иезуит Матео Риччи писал о Китае: «Примечательный факт, вполне достойный быть отмеченным как отличный от Запада, состоит в том, что все королевство управляется орденом просвещенных, известных среди народа как философы. Ответственность за упорядоченное управление всей страны целиком и полностью лежит на них и вверено их заботе». Создавалось впечатление, что наконец-то найдено государство, в котором реализована мечта Платона о правителях-философах, более того, сравнение западных и восточных идеальных государств было очевидно в пользу последних (12).

Ф. Фукуяма в своей работе «Конфуцианство и демократия», рассматривая области, где конфуцианство не противоречит демократии, выделил традиционную конфуцианскую систему экзаменов для отбора претендентов на должности в государственном аппарате. Несмотря на то, что в древнем Китае эта система не была по-настоящему открытой, в современном виде, как отмечает Фукуяма, экзаменационная система становится пропуском для выхода на уровень высшего образования и государственной бюрократии, превращаясь тем самым в важный инструмент социальной мобильности. Другими областями, где конфуцианские и демократические принципы не противоречат друг другу, он называет внимание к образованию, высокий уровень которого является важной опорой демократического развития, а также относительную терпимость конфуцианства, что позволяет обществу быть восприимчивым к новациям (13).

В Китае, согласно традиционной формуле, обладать властью означало быть «внутри мудрецом, вовне правителем». Так в представлении китайцев мудрость и власть друг друга определяли и оправдывали. Мудрости как абсолютному знанию, превосходящему все специальное и «предметное», по китайским понятиям, соответствует абсолютная власть, которая сама по себе оправдывает и превосходит все объективные основания, законы и даже средства принуждения. Китайское понятие политики, по мнению ряда исследователей, не имеет ничего общего с публичностью. Тот, кто обладает властью в Китае, не должен быть видим или даже известен. Так, о легитимности говорится в известном трактате «Дао дэ дзин»: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те

правители, которые требуют от народа его любить и возвышать. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает» (14).

Идеалом политической концепции конфуцианцев является мир и гармония в государстве. Поэтому во многих высказываниях Конфуция можно найти негативное отношение к бунтам, социальным смутам. В отличие от легистов, считающих метод силы необходимым при управлении государством, конфуцианская теория настаивала на подчинении людей на основе добродетели. Так, в «Лянь юй» можно найти много подтверждений этому: «Если управлять народом посредством распоряжений и наводить порядок посредством наказаний, то народ станет уклоняться от распоряжений и наказаний и потеряет стыд. Если же управлять народом посредством дэ и поддерживать в нем порядок посредством надлежащих норм поведения, то народ сохранит стыд и будет управляем» (15).

Так, даже императорская власть в древнем Китае не считалась абсолютной, но могла быть передана в случае, если в соответствии с конфуцианскими представлениями она противоречила морально-этическим нормам. На протяжении всей китайской истории мы наблюдаем последовательную смену императорских фамилий. Политика, по мнению Конфуция, должна быть нравственной. Поэтому в учении Конфуция политические и моральные категории рассматриваются даже не как равноценные, но с акцентом на нравственные ценности, которые должны стать основой политики.

В трудах китайских мыслителей мы не находим рассуждений о наилучшей «форме правления». Политика их интересовала лишь с точки зрения средств и способов воздействия на людей, другими словами, с точки зрения реальной эффективности управления. Идеями об институте государства как необходимом средстве налаживания согласия в социуме, а тем самым и гармонизации на космическом уровне пропитан трактат известного конфуцианского ученого и реформатора Ли Гоу «О государственном управлении в традиционном Китае», созданный в XI в. Государственное управление трактовалось там «как деятельность по гармонизации, лечению, следованию канонам и исправлению» (16).

Детальный анализ основных конфуцианских постулатов необходим для понимания китайской государственности, механизмов управления обществом, а также сущности власти – исполнительной, законодательной, и судебной ее составляющих. Все это делает изучение политико-философской мысли Китая особенно актуальным в эпоху, когда руководство многих стран Восточной и Юго-Восточной Азии вновь обращается к этому учению для обоснования модернизации и реформ, превратив этот регион в самый динамически развивающийся в мире во второй половине XX – начале XXI в.

Представляется, что в восточноазиатском регионе можно выделить различные модели развития, каждая из которых формировалась с учетом на-

циональных особенностей этих стран, но на основе конфуцианских социально-политических представлений и идеалов гармоничного общественного развития. Особенностью КНР, например, по сравнению с Японией, является тот факт, что в противоположность японскому конфуцианскому капитализму Китай строит конфуцианский социализм (17). Таким образом, представляется возможность охарактеризовать страны этого региона в контексте понятий «конфуцианского капитализма» (Япония, Тайвань, Сингапур, Южная Корея) и «конфуцианского социализма» (КНР, Вьетнам), добившихся значительных успехов на пути модернизации и реформ.

Выделяя важнейшие компоненты успеха модернизации на современном этапе, необходимо отметить традиционную иерархическую общественную структуру, которая выстраивается в соответствии с конфуцианской культурной традицией и служит в Азии основой строения общества и государства. Так, в Китае социально-политическое регулирование строится как вертикальный процесс, основанный на иерархии, при которой власть сосредоточена в руках государственного аппарата, в то время как на Западе управление осуществляется опосредованно, через различные институты и программы, которые формируют экономические, семейные и общественные институты.

Также значимым для Китая является исторически сложившееся понятие коллективизма. В современном Китае оно выражается в принципе «во имя общего забывать о личном, во имя страны забывать о семье», а также легло в основу системы наказаний и правопорядка, также способствуя законопослушности китайских граждан.

Касаясь особенностей политического менталитета китайского народа, необходимо подчеркнуть, что помимо иерархической структуры китайского общества, которая рассматривала государство как единую социальную общность как «семью семей», объединяющую граждан своими моральными обязательствами и выстраивая вертикальный принцип подчинения, а также принципа коллективизма и коллективной ответственности, прочно вошедших в китайскую ментальность, также следует выделить и другие значимые черты характера.

Так, законопослушность и передающаяся из поколения в поколение приверженность традициям, таким как например, почитание родителей, происходит от древнего принципа о равенстве всех перед законом, соблюдении обычаев и является для рядового китайца нерушимой догмой и основой образа жизни. Кроме того, такие черты, как прилежание, послушание и самоконтроль, позволяют многим поколениям китайцев пройти многочисленные экзаменационные испытания для достижения соответствующего положения в обществе. Достаточно отметить, что для того, чтобы выучить китайский язык ребенку с 6 лет необходимо каждый день прописывать несколько десятков новых иероглифов, что с детства учит его прилежанию, спокойствию и выдержке.

Все эти черты сыграли немаловажную роль в формировании политической культуры и менталитета китайской нации.

Сегодня становится все очевиднее, что чем более открытым внешнему миру становится Китай, тем большую роль начинают играть в нем конфуцианские идеалы. Традиционные теории государственного управления успешно развиваются в современном Китае за счет переосмысления традиций и изучения собственной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Чэнь Кайкэ. Конфуцианство и «культура предприятия» в современной Восточной Азии: Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 2001. – С. 11.
- (2) Карадже Т.В., Савин И.Л. Конфуцианство как основа формирования общественно-политических идеалов современного Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2004. – № 1 (5). – С. 98–99.
- (3) Меликлетов А.В. Можно ли определить модернизацию КНР в конфуцианских понятиях? // Общество и государство в Китае. – М., 1990. – С. 203.
- (4) Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй» // Восточная литература РАН. – М., 1998. – С. 105.
- (5) Вяткин Р.В. Сыма Цянь. Исторические записки / Пер. с китайского и комментариев. – Т. 6. – С. 98.
- (6) Ян Боцзюнь. «Мэн-цзы» («Мэн-цзы» с переводом на байхуа и комментариями). – Пекин, 1998. – Т. 1. – С. 209.
- (7) Тихвинский Л.С. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. – М., 1980. – С. 56.
- (8) Меликлетов А.В. Социально-экономическая политика гоминьдана (1927–1949 гг.). – М., 1977. – С. 99.
- (9) Дэн Сяопин. Вэнь сюань (Собрание сочинений Дэн Сяопина). – Пекин, 1999. – С. 167.
- (10) Лукьянов А.Е. Генезис нравственных категорий (конфуцианское человеколюбие – жэнь) // Китай на пути модернизации и реформ (1949–1999). – С. 114.
- (11) Мартынов А.С. Конфуцианство, приложение «Лунь юй» // Петербургское Востоковедение. – СПб., 2001. – Т. 2. – С. 219.
- (12) Ушков А.М. Традиция участия страты чиновников-ученых в управлении Китаем // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 6. – С. 289–290.
- (13) Карадже Т.В., Савин И.Л. Конфуцианство как основа формирования общественно-политических идеалов современного Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2004. – № 1(5). – С. 105.
- (14) Задерей Н.В. Особенности китайского взгляда на политику и сравнительного метода в Китае // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 6. – С. 309–310.
- (15) Мартынов А.С. Конфуцианство, приложение «Лунь юй» // Петербургское Востоковедение. – СПб., 2001. – Т. 2. – С. 217.
- (16) Задерей Н.В. Особенности китайского взгляда на политику и сравнительного метода в Китае // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 6. – С. 310.
- (17) Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – С. 213.

**CONFUCIAN CAPITALISM' OR 'CONFUCIAN SOCIALISM'?
ROOTS OF THE CHINESE MODERN POLITICAL MODEL FORMATION**

V. Sizikova

Volkswagen Group Finanz
Obrucheva Str., 30-1, Moscow, Russia, 117485

The article is devoted to finding the reasons influencing on appearing of such phenomena as 'Confucian socialism' and 'Confucian capitalism'. The author reflects on the political and philosophical traditional concepts influencing on the modern China in historical perspective. She tries to answer the question: what are the roots of the unique Chinese modern political model formation?

Key words: China, Confucius, modernization, socialism, capitalism, reformation.